

СЕРГЕЙ ВАСИЛЬЕВ

0000-0002-6985-5002

Московский городской педагогический университет

Институт гуманитарных наук и управления

Кафедра русской литературы

129226 Москва

Сельскохозяйственный проезд 2-й

д. 4, к. 1

kafit-mgpu@mail.ru

СТИЛЕВОЙ СИНТЕЗ В ИЗОБРАЖЕНИИ ПЕТРА I (Г. Р. ДЕРЖАВИН)

THE STYLISTIC SYNTHESIS IN THE IMAGE OF PETER I: GAVRILA DERZHAVIN'S POETRY

В статье анализируется образ первого русского императора, созданный в поэзии Г. Р. Державина от ранних стихотворений 1770-х годов до поздних произведений периода Отечественной войны 1812 года. Непосредственно Петру и его эпохе посвящены лишь некоторые из них. В основном образ Петра I носит вспомогательный характер, а в плане соотношения образа и идеи является, как правило, эмблематическим. Упоминания Петра часто соотносятся с воссозданием стилистического контекста поэзии М. В. Ломоносова, с продолжением формирования особой литературной мифологии, которая рисует Петра как демиурга – творца Новой России, а Екатерину II как продолжательницу его дела, иногда своими свершениями даже превосходящую великого предшественника. В жанровом плане произведения Г. Р. Державина, воплощающие образ Петра или включающие стилистически значимые упоминания о нем, в ряде случаев тяготеют к синтезу искусств: музыкальности (гимн, ода), экфрасису. Наряду с западноевропейским контекстом поэт при воплощении образа Петра I пользуется жанрово-стилевыми открытиями древнерусской литературы. Основное место уделено ранее не привлекавшему внимания литературоведов стихотворению *На пророчество Симеона Полоцкого и Димитрия Ростовского при рождении Петра Великого*.

Ключевые слова: стиль, синтез, Петр I, литературная мифология, древнерусские традиции.

The article analyses the image of the first Russian Emperor created in Gavrila Derzhavin's poetry, from the early poems of the 1770s to the late works written during the Patriotic War of 1812. Only some of the poems directly address Peter and his epoch. Mostly, the image of Peter I is auxiliary and in terms of the correlation of image and idea – usually emblematic. References to the tsar often correlate with reconstructing the stylistic context of Mikhail Lomonosov's poetry, with continuing the

formation of a special literary mythology, which presents Peter as a demiurge who created New Russia, and Catherine II as a continuator of his work, sometimes even surpassing her great predecessor in her achievements. In terms of genre, Derzhavin's works which feature the image of Peter or include stylistically significant references to him, in some cases tend towards the synthesis of arts: musicality (hymn, ode) or ekphrasis. In creating the image of Peter I, the poet relies on the Western European context but also on generic and stylistic achievements of Old Russian literature. Special attention is paid to the poem "On the Prophecy of Simeon of Polotsk and Dmitry of Rostov at the Birth of Peter the Great", which has not attracted the attention of literary scholars so far.

Keywords: style, synthesis of arts, Peter I, literary mythology, Old Russian traditions.

Петр I – в русской истории и культуре фигура колоссального масштаба. Как известно, Феофан Прокопович, близкий сподвижник Петра по реформам и крупнейший литератор начала XVIII века, в своей трагедокомедии *Владимир* провел прямую образную параллель между русским царем и великим князем Киевским Владимиром – Крестителем, произведшим цивилизационный поворот Древней Руси в сторону восточного христианства. Петр I, по распространенной пушкинской метафоре, прорубил окно в Европу, осуществил поворот в сторону Запада, в целом, однако, сохранив национальные политические, культурные и мировоззренческие константы.

Личность и деятельность Петра вызывала и вызывает интенсивные споры¹. Церковной реформе активно противодействовала часть высшего духовенства, а насильственной вестернизации – в значительной степени боярство и отчасти купечество. Существенно укрепленное Петром дворянство и фактически сформированный им класс чиновничества, ориентированные на западную культуру, но в течение определенного времени подвижные идеями патриотизма, уже к концу или даже, судя по русской сатире, середине века, в значительной степени оторвались от подавляющего большинства народа и по языку (доминировал французский нередко в ущерб русскому), и по религиозным верованиям (все более распространялись скептицизм, атеизм, вольтерьянство и т. д.), и по отношению к национальным традициям, мировоззрению – в одежде, в быту, в образе жизни в целом, что стало одной из главных причин революционных катастроф в России уже позднего времени – начала XX века.

Если публицисты и философы подчас резко спорили о Петре (наиболее глубоко об отрицательных – наряду с положительными – последствиях его царствования концептуально заявил Н. М. Карамзин в своей остававшейся почти весь XIX век недоступной читателю в полном виде *Записке о древней*

¹ *Петр Великий: pro et contra*, Санкт-Петербург: Русская Христианская гуманитарная академия 2013.

и новой России в ее политическом и гражданском отношениях), то русская литература XVIII – начала XIX века создавала почти исключительно апологетический образ Петра², связывая с ним разветвленную литературную мифологию Новой России, творцом, демиургом которой стал первый русский император. Произведения, в которых Петр изображался неоднозначно или даже отрицательно появились существенно позже (*Медный всадник* А. С. Пушкина, *Петр и Алексей* Д. С. Мережковского, *Петр I* А. Н. Толстого и др.), в некоторых из них отразились воззрения на Петра старообрядцев, которые воспринимали императора, как и его отца царя Алексея Михайловича, как антихриста или его прямого предшественника.

Образ Петра в русской литературе XVIII века стал ключевым не только из-за масштаба личности императора и осуществленных им преобразований, но и потому, что сама Новая русская литература, возникшая вместе с Новой Россией, получила свое существование и развитие во многом благодаря ему. Не случаен и ряд попыток поставить первого русского императора в центр изображения «главного» литературного жанра – эпической поэмы. В этом направлении работали Феофан Прокопович (завершенный *Епиникион*, синтез оды и поэмы, посвященный Полтавской победе), А. Д. Кантемир и М. В. Ломоносов (незавершенные поэмы *Петрида, или Описание стихотворное смерти Петра Великого императора всероссийского* и *Петр Великий*). Живыми и глубоко проникновенными являются произведения современников, посвятивших свои скорбные произведения смерти Петра (*Слово на погребение... Петра Великого... Феофана Прокоповича, Элегия о смерти Петра Великого* В. К. Тредиаковского и др.).

Основной, но, конечно, не полный литературный материал, связанный с Петром I, был собран, осмыслен и прокомментирован в книге *Петр I в русской литературе XVIII века. Тексты и комментарии*³, вступительную статью к которой *Петр I в русской литературе XVIII века* написал Ю. В. Стенник. Наряду с анонимными произведениями и уже названными авторами, в издании представлены произведения М. В. Ломоносова, М. Н. Муравьева, Н. П. Николева, В. Г. Рубана, Н. М. Карамзина, ряда других. Часть из них связана с литературным осмыслением образа Петра в несловесных искусствах, в первую очередь с изображением знаменитого монумента – Медного всадника.

Г. Р. Державин был одним из тех многочисленных русских писателей XVIII в., кто воплотил в своем творчестве образ Петра I, и, хотя этот образ

² С. А. Мезин, *Петр I в русской литературе и общественной мысли XVIII века*. Дисс. на соиск. уч. ст. канд. ист. наук, Саратов 1984.

³ *Петр I в русской литературе XVIII века. Тексты и комментарии*, отв. ред. С. И. Николаев, Санкт-Петербург: Наука 2006.

не стал настолько ярким и репрезентативным для его стиля, как это произошло в случае с произведениями Феофана Прокоповича, М. В. Ломоносова и позже отчасти А. С. Пушкина, тем не менее он весьма интересен художественно и имеет свою, неповторимую стилевую конфигурацию⁴. Творческое новаторство Г. Р. Державина в поэтическом осмыслении образа Петра I отметил Ю. В. Стенник:

Своеобразно этот мотив разрабатывал Г. Р. Державин. В его одах поэтическое решение проблемы монархической власти строилось на совершенно иной основе, нежели у Ломоносова. Принципиальное новаторство Державина в жанре оды состояло в том, что он снял антитезу «земное – божественное», закреплявшую стилистическую границу допустимой естественности в описании деяний венценосцев. [...] У Державина воспринятая от Горация идея равенства всех перед смертью делала бессмысленным тот апофеоз всеилия монархической власти, который определял содержательную основу торжественной оды, ее композиционный стержень. И соответственно критерии оценки деяний правителя обретали отныне земную, человеческую основу. [...] вот почему сама тема Петра I не составляет ведущего мотива его творчества, как у Ломоносова, а возникает попутно, в аспекте очеловечивания облика монархов⁵.

Образ первого русского императора и связанные с ним мотивы, прямые или косвенные (например, через риторико-поэтическое именование основанного им Петербурга – Петрополь, появившееся уже у Гавриила Бужинского; однажды – Петроград), создавался и в некоторых характерных чертах варьировался на протяжении всего творчества Г. Р. Державина. Среди этих произведений: *Петру Великому, Монумент Петра Великого, Эпистола И. И. Шувалову на прибытие его из чужих краев в Санкт-Петербург 1777 года сентября 17 дня, На новый год* («Рассекши огненной стезею...»), *Изображение Фелицы, На пророчество Симеона Полоцкого и Димитрия Ростовского при рождении Петра Великого, Вельможа, Ода на взятие Варшавы, На покорение Дербента, На новый 1797 год*, ряд других. Дать их сколько-нибудь полный анализ в небольшой статье не входит в задачи данного исследования.

Сосредоточимся на характерном и ранее не привлекавшем внимание ученых стихотворении Г. Р. Державина *На пророчество Симеона Полоцкого и Димитрия Ростовского при рождении Петра Великого*, по указанию Я. К. Грота, напечатанное в «Московском журнале» за ноябрь 1791 г. под заглавием *На рождение Петра Великого*:

⁴ Ю. И. Минералов, *Теория художественной словесности*, Москва: Владос 1999, с. 125–135.

⁵ Ю. В. Стенник, *Петр I в русской литературе XVIII века*, [в:] *Петр I в русской литературе XVIII века...*, [электронный ресурс] <http://lib.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=5928> [17.09.2018].

Когда Димитрий, Симеон,
Молясь, на небеса смотрели,
Господень осветился трон,
Полки небесных Сил воспели,
Повеял теплый майский ветер;
Небесны громы вострубили,
Волхвы российски возвестили:
«Рожденный отрок будет Петр,
Сотрет невежеству, внутрь изменам выю,
Как громом поразит и внешних он врагов;
И просветит все, как света бог, Россию».
Сбылся пророческий глас слов!⁶

Державин воспользовался распространенными в XVIII веке и позже сведениями о том, что Симеон Полоцкий, возможно, вместе со святителем Димитрием Ростовским составил гороскоп на рождение Петра Первого, дав развернутую положительную характеристику будущему царю – безусловно, великому человеку. Данное событие – подлинное или мнимое – имеет богатую историографию, впервые появляется в литературе уже после смерти императора, во второй четверти XVIII века. Обобщающий материал по теме содержится в статье В. И. Плужникова и Р. А. Симонова, которые сделали следующий вывод:

[...] тайна, долгие годы связанная с предсказанием на рождение Петра I, заключалась в том, что, вопреки мнениям, гороскоп характеризовал его не только как выдающуюся, но и как необузданную, жестокую личность. [...] заострять внимание на отрицательных особенностях гороскопа [...] казалось лишним, ненужным и вредным по политическим или этико-эстетическим мотивам⁷.

Итак, гороскоп был (ретроспективный, в котором отражено, по-видимому, реальное астрономическое событие – появление новой яркой звезды близ Марса во время рождения Петра), были и вирши астрологического содержания на крещение Петра, но их авторство и время написания неизвестно (впервые появились в 1742 г., совсем в другую эпоху, в связи с воцарением императрицы Елизаветы и юбилеем ее отца, продолжательницей дела которого она воспринималась в обществе). В. И. Плужников и Р. А. Симонов сделали однозначный вывод, что Симеон Полоцкий гороскоп не составлял, по-видимому (раз гороскоп поздний), и к виршам он не имеет отношения

⁶ Г. Р. Державин, *Сочинения*: В 9-ти тт., с объяснительными примечаниями Я. К. Грота, Санкт-Петербург 1864, т. 1, с. 444.

⁷ В. И. Плужников, Р. А. Симонов, *Гороскоп Петра I*, [в:] *Труды отдела древнерусской литературы*, Ленинград: Наука 1990, т. XLIII, с. 100.

(хотя астрологические знания он скорее всего имел). И уж тем более невероятно участие в этом событии святителя Димитрия Ростовского, православного святого, канонизированного в 1757 году после длительного перерыва канонизаций (напомним, что отношение Православной Церкви к гороскопам и астрологии в Древней Руси было резко отрицательным, борьбе с астрологией посвящены послания старца Филофея и Максима Грека).

Стихотворение Г. Р. Державина, опубликованное в ноябре 1791 г., создано в преддверии юбилея Петра, его 120-летия – 30 мая 1792 г., через 50 лет после первого появления астрологических вирш и легенды. В. И. Плужников, Р. А. Симонов со ссылкой на А. М. Панченко характеризуют жанр этих вирш как «генетлиакон», «genethliacon, признаком которого было всяческое восхваление новорожденного и его родителей, с предсказанием необыкновенно завидной судьбы. Астрологическая тема этим жанром предусматривалась как необходимая»⁸.

Литературно переосмысляя распространенные сведения об астрологическом предсказании и, соответственно, жанр генетлиакона, поэт смещает художественные акценты, ориентируясь иные жанрово-стилистические доминанты: стихотворение «на случай» (ср.: *На смерть Бибикова*) и на древнерусский жанр видения. Не случайно, вопреки легенде, ассоциирующей пророчество в первую очередь с Симеоном, Г. Р. Державин на первое место ставит обладавшего огромным духовным авторитетом святого Димитрия Ростовского, тоже, как и Симеон Полоцкий, крупного поэта, знаменитого церковного писателя. По образу Державина, оба участника события не занимались астрологией, а молились и получили откровение не от звезд, а в ответ на свою обращенную к небу молитву: «Когда Димитрий, Симеон, / Молясь, на небеса смотрели...». Молитва святителя и поэта, будущего воспитателя Петра I, конечно, воплощается в самых общих чертах, схематически, без той конкретики, которая присуща такого рода образности в древнерусской литературе, при этом ее образ обладает живописной наглядностью, аллегоричностью, столь модной и распространенной в XVIII веке и живо интересовавшей Державина (такого рода живописно-аллегорические образы в изобилии представлены в издании Сочинений Державина, подготовленном Я. К. Гротом и, по его свидетельству, в основном отобранных самим поэтом во второй половине 1790-х годов и позже).

На составление гороскопа, о чем повествует легенда, намеком указывает лишь слово «волхвы»: «Волхвы российски возвестили: „Рожденный отрок будет Петр...”». Однако и оно носит вполне канонический смысл, так как вызывает ассоциации не с астрологами как таковыми, а с библейскими

⁸ В. И. Плужников, Р. А. Симонов, *Гороскоп Петра I ...*, с. 81.

волхвами (царями), поклонившимися Рождеству Иисуса Христа. Именно на этой образной параллели: Рождество Богочеловека и Спасителя и рождение преобразователя древней и творца Новой России Петра и строится внутренняя форма произведения. На это нацеливает и прижизненный заголовок: *На рождение Петра Великого* с подзаголовком «Из Петербурга от неизвестной особы». Кстати, и время публикации – ноябрь 1791 г. – осмысливается по-иному: стихотворение написано даже не к грядущему юбилею Петра 1792 г., а к непосредственно близкому Рождеству Христову и новолетию. В этой связи жанровая доминанта «стихи на случай» конкретизируется и трансформируется: текст и может быть соотнесен с другими поэтическими произведениями этого же и иных авторов, посвященных новому году и Рождеству. В центре изображения как словесно-образная основа для показа «пророчества» о рождении Петра I оказывается именно Рождество Спасителя, одним из бесчисленных и благих следствий которого является появление на свет великого реформатора и «просветителя» России и описанное молитвенное пророчество о царе двух выдающихся его старших современников.

Димитрий и Симеон, согласно изображению Г. Р. Державина, подобно евангельским волхвам, обратившимся к небу и увидевшим там новую звезду, указавшую место рождения Бога, слышат ангельское ликующее пение: «Когда Димитрий, Симеон, / Молясь, на небеса смотрели, / Господень осветился трон, / Полки небесных Сил воспели [...] Небесны грома вострубили [...]». Приведенные строки – парафраз евангельского рассказа о Рождестве Христовом: «И внезапно явилось с Ангелом многочисленное воинство небесное, славящее Бога и взывающее: Слава в вышних Богу, и на земле мир, в человеках благоволение» (Лк. 2: 13–14). Именование Петр (в переводе – камень) указывает на твердость характера и высокое призвание младенца – будущего царя: «„Рожденный отрок будет Петр / Сотрет невежество, внутрь изменам выю, / Как громом поразит и внешних он врагов; / И просветит все, как света бог, Россию”». Петр и связанное с этим именем пророчество имеет явную параллель с евангельскими словами Иисуса Христа об апостоле Петре: Иисус Христос сказал апостолу Петру: «И Я говорю тебе: ты – Петр, и на сем камне Я создам Церковь Мою, и врата ада не одолеют ее» (Мф. 16: 18), а также с распространенным в церковной гимнографии образом Христа как просветителя мира: «Свет Христов просвещает всех!».

Комментируя строку «И просветит все, как света бог, Россию», Я. К. Грот указывает на параллель из стихотворения М. В. Ломоносова: «Он бог, он бог был твой, Россия» из оды *На день тезоименитства... Петра Феодоровича 1743 года*. Другая проведенная им же ломоносовская параллель дана к строке из раннего державинского стихотворения *Петру*

Великому: «Не Бог ли в нем сходил с небес?»⁹. Действительно, Г. Р. Державин не только поэтически участвует в дальнейшем формировании поэтического культа и мифа Петра как творца Новой России, но и варьирует образность Ломоносова, портретирует его поэтический стиль. Однако уточним, что приведенное выражение Ломоносова носит явный аллегорический характер и дано в качестве совместного «гласа» Минервы и Марса. В этой связи любопытна творческая эволюция Державина в изображении Петра: от раннего гиперболизма и заведомой поэтической условности риторического вопроса («Не Бог ли в нем сходил с небес?») поэт все более прочно становится на христианскую почву, давая вместо отождествления лишь сравнение («как света бог»), а ломоносовский литературный аллегоризм сменяется собственно державинской эмблематикой музыкально-экфрасического характера.

Для сравнения кратко обратимся к другим произведениям, прямо посвященным императору – *Петру Великому* и *Монумент Петра Великого*. Они были созданы по поводу изготовления знаменитой скульптуры – Медного всадника. По указанию Я. К. Грота, «В издании 1798 (с. 48–50), как и в рукописях поэта, оба стихотворения называются **песнями Петру Великому**»¹⁰ [выделено автором – С. В.]. Это, наряду с собственно образным строем, раскрывает жанрово-стилевые доминанты этих посвященных первому русскому императору текстов: *Монумент Петра Великого* (1776) не столько экфрасис скульптуры (которой, очевидно, поэт еще не видел, так как она была открыта только в 1782 г.), сколько именно песня, а *Петру Великому*, можно сказать еще конкретнее, с учетом строго выдержанного, прославляющего императора припева, – стилизация кантов Петровской эпохи, ряд которых был посвящен непосредственно императору и его воинским победам.

К названным выше жанрово-стилевым контекстам стихотворения *На пророчество...* (видение и «пророчество», генетликаон, «стихи на случай»), стихотворение на новолетие, эмблематический экфрасис) следует добавить и литературно-идиллический план, который заметен в строке: «Повеял теплый майский ветер» (в черновике: легкий). Он выражает взгляд уже не только православного человека и подданого, а частной личности, которая находит свои, в данном случае пейзажного характера, средства выражения радости от столь знаменательного события – рождения преобразователя России. Такого рода образ вызывает ассоциации с державинской анакреонтикой, например, с *Прогулкой в Царском селе*, опубликованной в том же «Московском журнале» в том же 1791 г., в номере 8, и с той же подписью:

⁹ Я. К. Грот, *Комментарии*, [в:] Г. Р. Державин, *Сочинения*, Санкт-Петербург издательство 1864, т. 1, с. 35.

¹⁰ Там же, с. 30.

«Из Петербурга от неизвестной особы»: «В прекрасный майский день [...] Се ветер помавал / Крылами тихо слуху. / – Какая пища духу! – / В восторге я сказал [...]»¹¹. Частые в ломоносовской поэзии зефиры – аллегорический образ легкого ветерка также могли послужить материалом для творческого переосмысления его Державиным.

Итак, распространенную, но исторически недостоверную и сомнительную с точки зрения православия легенду об астрологическом предсказании Симеоном Полоцким и Димитрием Ростовским судьбы будущего императора Петра (и, в некоторых трактовках, даже предписания царю Алексею Михайловичу дня зачатия наследника) Г. Р. Державин художественно глубоко переосмыслил на основе осуществленного им стилевого синтеза. Вместо исходных легенды и генетликаона поэт художественно ориентируется на древнерусский жанр видения, а также библейского пророчества, жанр «стихов на случай». Поэт создает развернутую образную параллель с *Евангелием*, повествованием о Рождестве Иисуса Христа, а также церковной гимнографией, что существенно меняет и обогащает содержание произведения, выдвигая на первый план жанровую доминанту стихов на новолетие и на Рождество Христово.

Миф о Петре I как творце Новой России Державин существенно нюансирует: наряду с высоким патетическим стилем, выступающим в качестве доминанты («Сбылся пророческий глас слов!») и непосредственно связанным с образностью оды М. В. Ломоносова, с портретированием его стиля, поэт включает в произведение и совершенно иной стилистический план: идиллическую пейзажную деталь, данную в качестве своеобразного вкрапления, но существенно обогатившую стилевую и отчасти содержательную палитру произведения. Само видение – пророчество воплощается в экфрастически-эмблематической форме и служит дальнейшему утверждению в культуре мифа о Петре I как творце Новой России.

Характерна и художественная речь Державина, в частности, реплика из пророчества: «Сотрет невежеству, внутрь изменам вью». Сбой ритма перед «внутри» – пропуск слога, например, союза «и», а, с другой стороны, усечение в слове «внутри» (вместо «внутри») создают неповторимый ритмико-семантический образ, своеобразную «неправильность», акцентирующую особую сложность и значимость внутренней политики императора, его борьбы с тем, что представлялось ему отжившим. Такого рода разговорные «неправильности» речи соединяются в стиле стихотворения с усложненным и подчеркнуто книжным элементом – «всее», что является одной из отличительных особенностей его стиля.

¹¹ Г. Р. Державин, *Сочинения...*, т. 1, с. 423, 426.

References

- Derzhavin, Gavriil R. *Sochineniya*: v 9-ti tt. Sankt-Peterburg 1864.
- Grot, Yakov K. *Kommentarii*. In: Derzhavin, Gavriil R. *Sochineniya*: v 9-ti tt. Sankt-Peterburg 1864.
- Mezin, Sergei A. *Petr I v russkoi literature i obshchestvennoi mysli XVIII veka*. Avtoreferat dissertatsii na soisksnie uchenoi stepeni kandidata istoricheskikh nauk. Saratov, 1984.
- Mineralov, Yurii I. *Teoriya khudozhestvennoi slovesnosti*. Moskva: Vlado, 1999.
- Petr Velikii: pro et contra*. Sankt-Peterburg: Russkaya Khristianskaya gumanitarnaya akademiya, 2013.
- Pluzhnikov, Vladimir I., Simonov, Rem A. *Goroskop Petra I*. In: *Trudy otdela drevnerusskoi literatury*. Vol. XLIII, Leningrad: Nauka, 1990: 82–100.
- Stennik, Yurii V. *Petr I v russkoi literature XVIII veka*. In: *Petr I v russkoi literature XVIII veka*, ed. S. I. Nikolaev. Sankt-Peterburg: Nauka, 2006. <http://lib.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=5928>.